

шей – наследственными факторами. Степень достоверности в прогностическом описании данных свойств – самая низкая, поэтому они в основном служат четкими поисковыми признаками.

Третий блок составляют следующие признаки:

1. Типичные детали одежды и особенности внешнего вида (например, татуировки, пирсинг, прическа и др.).
 2. Манера речи (громкость, скорость, тембр; акцент, стиль, лексика, грамматический строй, степень владения логикой высказывания и др.).
 3. Особенности жестикюляции (жесты к себе, от себя и др.).
 4. Типичные словесные обороты в точной формулировке («всегда», «должен», «извините», «не исключено» и др.).
 5. Стиль общения (властный, подчиненный, отстраненный).
 6. Конкретная профессия и карьерный статус (преподаватель, водитель, забойщик скота, врач и др.; руководитель, специалист, рядовой исполнитель).
 7. Отношение к управлению автомобилем (имеет водительские права или не имеет их, стиль вождения, зафиксированные нарушения правил дорожного движения).
 8. Особые навыки и привычки (разделявание туш скота, владение приемами рукопашного боя, налаживание доверительных отношений и др.).
- Очевидно, что описанная структура признаков индивидуума позволяет сотруднику, производящему расследование, при оценке имеющейся в его распоряжении фактической информации фиксировать ее в полезной для составления психологического портрета подозреваемого форме.

УДК 343.1/98;159.95

Л.В. Бертовский, С.М. Курбатова

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЛИЦ СТАРШЕГО ВОЗРАСТА КАК УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Вопросам правовой оценки участия в правоотношениях лиц пожилого возраста уделялось внимание с древних времен. Так, в гл. 8 Законов Ману закреплены следующие положения:

«но показание детей, стариков (подчеркнуто нами. – Л. Б, С. К.), больных, говорящих при допросе неверно, следует считать ненадежным, так же как [людей] со смятенным рассудком» (п. 71);

«договор, заключенный пьяным, безумным, страдающим (от болезни), рабом, ребенком, старым (подчеркнуто нами. – Л. Б, С. К.), а также неуполномоченным, недействителен» (п. 163) [1].

Однако до сегодняшнего времени рассматриваемый вопрос остается неурегулированным законодательно во многих странах, порождая целый ряд проблем юрисдикционного характера. Так, в уголовном судопроизводстве Российской Федерации и Республики Беларусь отсутствуют нормы, которые бы должным образом закрепляли институт участников уголовного судопроизводства: в гл. 5–8 УПК Российской Федерации и гл. 4–7 УПК Республики Беларусь содержится лишь перечень участников и закрепляются их основные права и обязанности.

Первые лица этих государств неоднократно высказывали свою четкую позицию по поводу необходимости уделять первостепенное внимание пожилым людям: «жизненные ситуации у людей бывают разные, но государство в любом случае должно защищать интересы стариков» [2]; «наш нравственный долг – всемерно поддержать старшее поколение, которое внесло огромный вклад в развитие страны» [3]. Еще в 1996 г. некоторые идеи, касающиеся рассматриваемого вопроса, уже нашли свое отражение в модельном Уголовно-процессуальном кодексе для государств – участников СНГ [4]. Эти идеи соответствуют общей позиции ООН относительно пожилых лиц, выраженной в ряде международно-правовых документов ООН, например в Принципах Организации Объединенных Наций в отношении пожилых людей (1991), которые были приняты, «признавая огромные различия в положении пожилых людей не только между странами, но также в рамках отдельных стран и между отдельными лицами, что требует принятия различных мер в области политики» [5].

Необходимо использовать более широкий и системный подход, который бы отразил общие аспекты, касающиеся возможности участия лиц в уголовном судопроизводстве, а именно: уголовно-процессуальные право- и дееспособность, ограниченную процессуальную дееспособность, дополнительные гарантии участникам из числа лиц с ограниченной уголовно-процессуальной дееспособностью.

Так, при решении вопроса о признании лица ограниченно процессуально дееспособным следует исходить из таких критериев, как возраст, физическое, физиологическое и психическое состояние, используя когнитивный подход. Способность лица воспринимать, осознавать, перерабатывать, выдавать информацию определяется уровнем активности его когнитивных функций – тех функций головного мозга, с помощью которых происходит процесс реального познания действительности. Когнитивные расстройства нередко обнаруживаются у пожилых – до 20 %

людей, возраст которых превышает 65 лет, страдают довольно тяжелыми когнитивными расстройствами в виде деменции. Более легкие когнитивные расстройства у пожилых встречаются еще чаще: согласно некоторым данным, у 40–80 % лиц в зависимости от возраста [6].

Поэтому предлагаем наделять специальным статусом (с предоставлением дополнительных процессуальных гарантий) в силу возраста не только несовершеннолетних, но и лиц старшего возраста, являющихся участниками уголовного судопроизводства из числа вовлекаемых в него лиц (подозреваемый, обвиняемый, свидетель, потерпевший, понятой и др.). Выделение несовершеннолетних как особой категории участников уголовного судопроизводства отражает понимание законодателем того факта, что в силу возраста их когнитивные функции еще недостаточно сформированы, что оказывает влияние на возможность реализации несовершеннолетними своих прав и обязанностей. Применительно же к лицам старшего возраста ситуация носит обратный характер: в силу возраста когнитивные функции уже недостаточно активны, что оказывает влияние на возможность реализации такими участниками уголовного судопроизводства своих прав и обязанностей.

И хотя в 2009 г. ВОЗ, учитывая тенденцию к увеличению продолжительности жизни населения, предложила новую возрастную периодизацию (40–60 лет – средний возраст; 60–75 лет – поздняя зрелость, 75–90 – пожилой возраст, за которым наступает время долгожителей [7]), однако такого рода терминологическое «омоложение» никак не связано с тем фактом, что после 60 лет когнитивные функции начинают ослабевать и к 75 годам у большинства людей проявляются достаточно отчетливо и очевидно для окружающих.

Относительно лиц старшего возраста при производстве процессуальных действий возникают вопросы:

о возможности их физического и (или) процессуального участия. Необходимо оценка: фактической возможности участия лиц с ограничениями, сказывающимися на функционировании их двигательных функций; юридической возможности участия лиц (свидетель, понятой, присяжный и др.) с ограничениями (законность проводимого процессуального действия, допустимость доказательств, полученных с их участием, и др.);

специфике получения показаний от таких лиц [8];

необходимости использования лицом, ведущим производство, процессуальных, психологических и тактических особенностей и др.

Также следует учитывать фактор стрессовости для большинства людей ситуации, связанной с вовлечением в сферу предварительного расследования (если, конечно, участник не подготовлен в силу разных причин – профессии, общественной деятельности в данной системе, не-

однократных привлечений к уголовной ответственности и т. п.), который способен усилить степень выраженности имеющихся у лиц старшего возраста ограниченных возможностей их когнитивных функций и, как следствие, негативно повлиять на их способность быть полноценным участником соответствующего процессуального действия.

Таким образом, необходимо решить две основные задачи:

закрепить законодательно особый статус лиц старшего возраста – участников производства по уголовному делу, в том числе посредством предоставления им дополнительных процессуальных гарантий;

разработать соответствующие криминалистические рекомендации для органов предварительного расследования для получения вербальной информации от лиц с особенностями когнитивного развития, в которых бы учитывалась специфика участия лиц старшего возраста в производстве по уголовному делу и в конкретных процессуальных действиях и др. [9, 10].

Для решения этих задач должны быть использованы наработки по данному вопросу смежных наук (медицина, психология, психиатрия и др.), чтобы учитывались (и отражались законодательно) особенности психологии лиц старшего возраста, в том числе формирования их показаний, при проведении соответствующих уголовно-процессуальных и криминалистических исследований в данном направлении.

1. Законы Ману [Электронный ресурс]. URL: https://koltunov.ru/WordLiterature/ZakonyManu.htm#_Точ8385393 (дата обращения: 07.09.2020).
2. Лукашенко А.Г. Государство и впредь будет уделять первостепенное внимание пожилым и инвалидам [Электронный ресурс]. URL: <http://sn.by/post/205295/> (дата обращения: 07.09.2020).
3. Путин В.В. Послание к Федеральному Собранию РФ от 1 марта 2018 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/56957> (дата обращения: 07.09.2020).
4. Курбатова С.М. Об отражении когнитивного подхода в нормах Модельного УПК СНГ и УПК РФ: сравнительная характеристика // Право и государство: теория и практика. 2020. № 2. С. 189–191.
5. Принципы ООН в отношении пожилых людей [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/oldprinc.shtml (дата обращения: 07.09.2020).
6. Что такое когнитивность и когнитивные навыки [Электронный ресурс]. URL: <https://www.psyportal.net/18273/chto-takoe-kognitivnost-i-kognitivnyie-navyiki/> (дата обращения: 07.09.2020).
7. Блехарская Е.В. Пожилой возраст как переходный этап жизненного пути человека // Пед. образование в России. 2017. № 12. С. 36–43.
8. Бертовский Л.В. Допрос: тактика и технология. М., 2015.
9. Бертовский Л.В. К вопросу о получении вербальной информации от лиц с особенностями когнитивного развития // Современная молодежь и вызовы экс-

тремизма и терроризма в России и за рубежом : сб. материалов Всерос. (с международным участием) науч.-практич. конф. / под ред. Х.П. Пашаева. Горно-Алтайск, 2019. С. 125–128.

10. Курбатова С.М. О проблематике участия лиц с ограниченными возможностями в производстве по уголовному делу // *Соврем. ученый*. 2020. № 2. С. 305–309.

УДК 343.98.06

А.А. Бессонов

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Технологии искусственного интеллекта прочно вошли в нашу жизнь. Они используются во многих привычных нам вещах: в современных телефонах, алгоритмах «компьютерного зрения», рекламном контенте в сети Интернет, беспилотных автомобилях и пр. Одна за другой стали появляться научные публикации, посвященные использованию искусственного интеллекта в уголовном судопроизводстве, в том числе в расследовании преступных деяний. Даже озвучена точка зрения о возможной замене следователя искусственным интеллектом [1], которую мы не поддерживаем, полагая, что вести речь об этом пока рано.

Имеются определенные попытки разработать компьютерные программы, основанные на методах искусственного интеллекта, для использования в расследовании преступлений, например в изучении личности серийных убийц [2]. Очевидно, что такие исследования необходимо продолжать, поскольку технологии искусственного интеллекта предоставляют самые широкие возможности в глубоком изучении преступной деятельности, установлении обстоятельств расследуемого преступления, и в первую очередь – лица, его совершившего, в криминалистической и судебно-экспертной деятельности.

Использование методов искусственного интеллекта в расследовании преступлений имеет несколько аспектов:

изучение закономерностей такой деятельности и построение на этой основе алгоритмов составления поискового портрета лица, причастного к конкретному преступлению;

поиск доказательств преступной деятельности в целях выявления, расследования и профилактики (например, анализ социальных сетей в сети Интернет);

автоматизацию работы следователя (дознателя) (например, транскрибирование вербальных следственных действий).

Начнем с того, что уже прочно вошло в повседневную работу при криминалистическом и судебно-экспертном сопровождении расследования преступлений, – с применения технологий искусственного интеллекта в поиске доказательственной и ориентирующей информации. Эти технологии прежде всего применяются при поиске в сети Интернет фотографий интересующего следствие лица, при анализе социальных сетей, изучении данных о телефонных соединениях и пр.

Теперь несколько слов о нашей работе по применению технологий искусственного интеллекта для изучения закономерностей серийных преступлений, совершенных по сексуальным мотивам, в том числе сопряженных с убийствами. Эмпирическую базу в этом исследовании составили 1 011 таких деяний, совершенных 186 лицами, материалы уголовных дел о которых изучены в управлении научно-исследовательской деятельности (научно-исследовательском институте криминалистики) Главного управления криминалистики (Криминалистического центра) Следственного комитета Российской Федерации. Методы кластеризации, примененные для классификации серийных преступлений, позволили выделить три их группы:

убийства и половые преступления, связанные с причинением вреда, совершенные в сочетании с дополнительным мотивом (корыстным и лично-неприятным);

половые преступления, связанные с причинением вреда или с угрозой его причинения, совершенные в сочетании с корыстным мотивом;

половые преступления без дополнительного мотива, а также совершенные путем демонстрации полового органа.

По характеристикам криминалистически значимых признаков эти группы преступлений существенно различаются между собой, т. е. требуются различные алгоритмы их расследования.

Регрессионный и дисперсионный анализы, ряд методов машинного обучения, прежде всего нейронные сети, машины опорных векторов, позволили выявить закономерные связи между элементами системы этих преступлений. Например, с фактом установления совершения преступления лицом с психическим заболеванием либо без него закономерно связаны следующие признаки: возраст потерпевшего, совершение в серии преступлений убийства, способ преступления, количество и локализация повреждений на теле потерпевшего, характеристика места преступления, время суток, совершение различных манипуляций с трупом жертвы.

После установления таких закономерностей данные о серийных преступлениях были использованы в построении моделей глубокого об-